

ВРЕДИТЕЛЬСТВО... В ДЕЛЕ ИЗУЧЕНИЯ СОЛНЕЧНОГО ЗАТМЕНИЯ

Н. В. Успенская
Москва

19 августа Главной астрономической обсерватории АН СССР в Пулкове исполняется 150 лет. «Природа» — почти вдвое моложе, но она успела отметить несколько знаменательных дат этого важнейшего научного учреждения страны и в ближайшее время — ко дню юбилейных торжеств, которые будут проходить 10 октября, — предполагает рассказать о его современных достижениях и проблемах. А сегодня — речь о другом. Наши публикации, рисовавшие долгую и сложную историю Пулковской обсерватории, еще не коснулись, может быть, беспрецедентного по своей силе удара, который нанес ей 1937 год. Он вырвал из ее рядов выдающихся ученых, возвращавших ей былую славу «астрономической столицы мира». Участниками рассказа, воссоздающего некоторые общие черты этого трагического события, будут ряд ученых и генерал-лейтенант юстиции в отставке Б. А. Викторов.

В 1957 г., когда уже шла первая волна реабилитации жертв сталинских репрессий, известный американский астроном Отто Струве, правнук основателя Пулковской обсерватории, с горечью и обидой заявил, что считает своим долгом «исправить, может быть, самую чудовищную несправедливость в истории астрономии со времен Галилея»¹. Статья, из которой взяты эти строки, написана Струве с намерением восстановить честь, достоинство и научную известность его учителя по Харьковскому университету и многолетнего друга — Бориса Петровича Герасимовича, бывшего до 1937 г. директором Главной астрономической обсерватории (ГАО АН СССР) в Пулкове.

Двадцать лет Струве пребывал в неизвестности о судьбе Герасимовича, но не делал по этому поводу никаких заявлений — боялся ему навредить. Накануне ареста Герасимовича он получил записку без подписи, в которой «каждое слово было пропитано чувством страха и отчаяния». Герасимович сообщал, что у него большие неприятности и он вынужден прекратить со Струве все связи.

Мировая научная общественность была потрясена разгромом советской астрономии, учиненным в 1936—1937 годах в Ленинграде. Аресту подверглась большая группа сотрудников Астрономического института (ныне Институт теоретической аст-

рономии — ИТА АН СССР), включая директора, члена-корреспондента АН СССР Бориса Васильевича Нумерова, а также сотрудников Пулковской обсерватории, включая Б. П. Герасимовича.

Это выплеснулось на страницы журналов «Nature», «Acta Astronomica», «Popular Astronomy» и др., где публиковались имена репрессированных. Списки были неполные, поскольку преступная акция проводилась с минимальной оглаской. На Конгрессе Международного астрономического союза, проходившем в августе 1938 г. в Стокгольме, советская делегация отсутствовала.

Но наступил, напоминаю, 1957 год. Те, кому выпал жребий выжить, возвращались из заключения. И стало доподлинно известно, что никогда не вернуться Б. В. Нумеров, Б. П. Герасимович и его ближайшие сотрудники.

Струве лихорадочно листал советские газеты и журналы, самые свежие работы по истории русской и советской астрономии, но не находил в них имен по-смертно реабилитированных ученых. «Не было напечатано ни одного некролога о Герасимовиче», — сокрушался Струве. «Никогда в наши времена смерть астронома подобной величины не обходилась без хотя бы краткой статьи о его жизни и работе». Наконец: «Нет официального сообщения о предъявленном ему обвинении».

Увидеть в советской печати даже краткую статью о Герасимовиче Струве

¹ Struve O. About a Russian Astronomer // Sky and Telescope. 1957. Vol. 16. № 8. P. 379.

Главная астрономическая обсерватория АН СССР в Пулкове. Современный вид.

так и не довелось — не дожил. Она появилась лишь в 1979 г., первое обстоятельное историко-научное исследование — только в 1989 г.² Увы, слова Струве, сказанные тридцать с лишним лет назад и продиктованные участием к одной трагической судьбе, все еще приложимы к большому числу судеб. Но было бы великой несправедливостью винить в этом нашу научную гвардию, не забывавшую о горькой участи своих собратьев и учителей. Наиболее достойные ее представители самоотверженно защищали их даже в самые опасные времена. Среди многих доказательств этого — письмо, написанное на рубеже 1938—1939 г. академиками С. И. Вавиловым и Г. А. Шайном на имя Прокурора СССР А. Я. Вышинского³.

«Число активно работающих астрономов у нас невелико (80—90 человек), — говорится в письме, — и поэтому арест большой группы (человек 20) резко броса-

ется в глаза. Дело усугубляется еще и тем, что среди арестованных имеются наиболее крупные астрономы. Едва ли будет преувеличением, если сказать, что советская астрономия потеряла в своем удельном весе не меньше 30 процентов».

Вавилов и Шайн мужественно заявляют: «Некоторых из осужденных мы знали много лет, и нам представлялось, что они были лояльными советскими гражданами. Они всегда принадлежали к передовой русской интеллигенции...» И позволяют себе опасный намек: «Некоторые... из журналов, например «Nature» и др., до сего времени последовательно и решительно выступают против преследования ученых и науки в фашистских странах». Исчерпав доводы, Вавилов и Шайн просят о «пересмотре дела или предоставлении работы осужденным лицам по специальности на украинских обсерваториях или в университетах».

Как и у Струве, в письме Вавилова и Шайна звучит утверждение: «Характер обвинения мы не знаем».

В марте 1989 г. на запрос нынешнего директора ГАО В. К. Абалакина из Управления по Ленинградской области КГБ СССР была получена официальная справка на 6 страницах, содержащая краткие, протокольного характера выписки из дел по осуждению и реабилитации 10 сотрудников ГАО. В справке говорится, что в течение

²См.: Огородников К. Ф. Памяти Б. П. Герасимовича // Развитие методов астрономических исследований. Сер. «Проблемы исследования Вселенной». М.—Л., 1979. Вып. 8. С. 509—515; Еремеева А. И. Борис Петрович Герасимович. 1889—1937 // Историко-астрономические исследования. 1989. Т. XXI.

³ Архив АН СССР. Ф. 596. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 2.

только одного года — во второй половине 1936 и первой половине 1937 гг. — в Ленинграде и области по подозрению «в участии в фашистской троцкистской террористической организации, возникшей в 1932 г. по инициативе германских разведывательных органов и ставившей своей целью свержение Советской власти и установление на территории СССР фашистской диктатуры», была арестована большая группа сотрудников различных научных учреждений — свыше 100 человек.

Это страшно читать... Как возникла и распространялась уголовно-политическая эпидемия, начавшая косить науку Ленинграда? Нам известны лишь фрагменты, которые часто соединяют произвольными предположениями. До полной картины еще далеко — это дело будущего историка, перед которым откроются спецзахоронения секретных архивов. Но и теперь мысль о возможности заглянуть за строки официальной версии уже не казалась нереальной.

В поисках документальной основы я обратилась к генерал-лейтенанту юстиции в отставке Б. А. Викторову, который в 1955—1967 гг. был заместителем Главного военного прокурора и возглавлял аппарат, занимавшийся пересмотром следственных дел периода массовых репрессий — в основном дел военнослужащих. В последние годы имя Б. А. Викторова стало знакомо многим — оно связано с рядом публикаций, раскрывающих историю истребления талантливейших советских военачальников. Известно также, что он изучал и готовил материалы для реабилитации Н. И. Вавилова и С. П. Королева⁴.

Борис Алексеевич сообщил, что в Архиве Главной военной прокуратуры есть интересующие меня сведения, любезно согласился просмотреть дела Нумерова, Герасимовича и некоторые другие, сделал для себя выписки и опирался на них во время наших бесед.

Меня прежде всего интересовали малоизвестные, последние страницы жизни Бориса Васильевича Нумерова, члена-корреспондента АН СССР, основателя и первого директора нынешнего Института теоретической астрономии АН СССР, члена ученого совета ГАО. Среди людей, за жизнь которых боролись Вавилов и Шайн, он мне представлялся по диапазону своей чрезвычайно активной научной деятельности самой примечательной фигурой.

Крупнейший астрометрист и теоретик в области небесной механики, он создал для определения орбит и меняющихся координат малых планет новый метод интегрирования дифференциальных уравнений — так называемый метод экстраполирования, который впоследствии получил распространение в прикладной математике и баллистике. Разработал ряд методов определения формы и размеров аномальных подземных масс по данным гравиметрической разведки. При помощи маятниковых приборов и вариометров, над конструкцией которых много работал, выявил залежи нефти на Эмбе, оз. Баскунчак, в районе Грозного, Кривого Рога, Донбасса, Урала и других местах. Организовал гравиметрическую съемку всей территории страны. Кроме моделирования гравиметрических приборов, Нумеров работал над изготовлением астрономических инструментов оригинальной конструкции, создав у себя в институте конструкторско-механический сектор. По инициативе Нумерова и при его непосредственном участии началось строительство первой в стране астрофизической обсерватории в Абастумани.

Те, кто знал Нумерова, вспоминают его интеллектуальный блеск и энергию, особую легкость, которую он умел вносить во взаимоотношения с людьми и в самые трудные дела, его артистический темперамент, любовь к музыке (у себя дома он играл на фисгармонии, рояле и даже органе), живописи и архитектуре.

— Нумеров был крупнейшим геофизиком, — рассказывает Виктор Кузьмич Абалякин. — Тресты «Эмбанефть» и «Грознефть» созданы только благодаря его гравиметрическим изысканиям. В США ему дали карты нефтяных полей Техаса, он сопоставил эти данные со своими и пришел к выводу, что гравиметрическая разведка дает довольно точные сведения о залегании пластов. И. М. Губкин очень высоко ставил Нумерова. Геофизик, геодезист, астроном, оптик — все на высочайшем уровне и все в одном лице. Это удивительно!

Невольно думалось: да, это была крупная и, по-видимому, заманчивая мишень для стрелков из НКВД.

— В чем конкретно и на основании чего обвинили Нумерова, — спрашиваю Б. А. Викторова.

— В деле значит, что Б. В. Нумеров (р. 29 января 1891 г., Новгород) арестован в октябре 1936 г. Ему сформулировали ни много ни мало такое обвинение: по заданию агента германской разведки создал в 1930 г. фашистскую террористическую

⁴ См. Викторов Б. А. // Наука и жизнь. 1988. № 5. С. 78—82.

Борис Васильевич Нумеров (1891—1941).

организацию. В 1933 г. установил связь с представителями троцкистско-зиновьевской оппозиции и завербовал целый ряд лиц. Занимался вредительством, направленным на срыв разведки полезных ископаемых и освоения отечественной аппаратуры. Передавал Рейнике, Кольшутеру и Бляшеку, фашистским агентам, сведения оборонного значения. По данным нашего особого архива установлено, что упомянутые лица не значились в списках германских разведывательных служб. Разумеется, и приборы, с которыми Нумеров знакомил зарубежных гостей, к числу секретных не относились. 25 мая 1937 г. Нумерова приговорили к 10 годам лишения свободы, а уже во время отбывания наказания в Орле по команде, данной из Москвы 13 сентября 1941 г., без дополнительного расследования и даже допроса, расстреляли. Это связано с тем, что над Орлом нависла угроза оккупации фашистами.

— Его жене Екатерине Ефимовне Нумеровой,— продолжает Б. А. Викторов,— вменили в вину, что она знала о контрреволюционной деятельности мужа и не сообщила об этом. В сентябре 1937 г. ее осудили на 5 лет, что было незаконно

Борис Петрович Герасимович (1889—1937).

даже по тем временам. До 1953 г. у нас действовал такой закон в отношении жен военнослужащих и их взрослых детей. Но Нумерова под него не попадала. Она была нами реабилитирована не только в связи с реабилитацией мужа, но и с чисто формальной незаконностью привлечения к суду.

Я не сразу решилась задать следующий вопрос. Теперь известно, как фабриковались дела «врагов народа». Но до недавнего времени нет-нет да и проскальзывало мнение, что аресты ученых, последовавшие за арестом Нумерова, связаны с протоколом, который его вынудили подписать на следствии. Об этом со слов пулковцев писал И. С. Шкловский (прямо скажем, без должного такта)⁵. Что показывают документы?

— Дело Нумерова,— ответил Б. А. Викторов,— вел следователь Лупекин — большой «мастер». Вдаваться в подробности его методов не хотелось бы. Достаточно сказать, что за свое «усердие» он был предан суду. Неудивительно, что Нумеров во

⁵ Шкловский И. С. // Энергия. 1988. № 6. С. 42.

время следствия признался в предъявленных ему обвинениях с перечислением большого числа членов его «террористической организации». Наивно думать, что этот список сыграл решающую роль — некоторые из названных в нем лиц вообще не привлекались к ответственности. Просто была задумана и осуществлена расправа над большой группой крупных ученых.

До нас дошли два письма Нумерова — от 13 июля 1937 г., тайно переданное из «Крестов», и от 20 декабря 1940 г. из Орловской тюрьмы⁶. В первом, адресованном Президиуму АН СССР, он говорит, что его принудили к фиктивным показаниям, а суд, на который он, видимо, надеялся, также оказался трагическим фарсом — продолжался «в течение нескольких минут, без вызова свидетелей, других обвиняемых, без защиты, без сопоставления фактов».

«Такое несправедливое отношение ко мне и другим научным работникам астрономии,— заявляет Нумеров,— естественно, вызывает глубокую обиду, и встает вопрос: неужели члены правительства не могут вмешаться и восстановить истину? Кому нужны такие надуманные процессы?» В «Крестах» он написал на клочках бумаги, карандашом три новых работы: «Автоматическая машина» (в последние годы он разрабатывал идею автоматической интегрирующей машины); «Теория больших планет»; «Определенные склонения».

В письме из Орловской тюрьмы Нумеров сообщает, что послал на имя Молотова работу по астрометрии (три тетради). «Обидно, что дело стоит и не движется, как надо бы... Какая польза для страны в этом — мне неизвестно».

По словам Б. А. Викторова, проверка показала, что некоторые работы Нумерова из аппарата Молотова посылались в 1940 г. академику В. Г. Фесенкову.

В архиве Фесенкова, искреннего друга пулковцев, защищавшего их во время одной из комиссий накануне арестов, следов этих поступлений найти не удалось. Но В. К. Абалакин рассказал мне, что к М. Ф. Субботину — директору ИТА с 1942 г. по 1964 г.— каким-то образом попала работа Нумерова «К вопросу определения фундаментальных склонений звезд и систематических ошибок вертикального круга», которая прошла через многие бережные руки, но опубликована только теперь, в 1987 г., в «Известиях ГАО» (№ 204).

— Работа значительная,— считает В. К. Абалакин,— в 1981 г. в Австрии проходил интереснейший симпозиум, где сообщалось о новых построениях в астрометрии. Некоторые докладчики независимо пришли к тому, к чему Нумеров пришел за 40 лет до этого. Если бы статья увидела свет в свое время, это сильно продвинуло бы нас вперед. Уже после ареста Нумерова некоторые его труды, написанные раньше, публиковались анонимно — как работы Астромического института⁷.

— Когда научные работы, написанные в тюрьме,— говорит Б. А. Викторов,— пересылались научным работникам, притом порядочным людям, мне дальнейшее предположить сложно. Но я совершенно уверен, что труды крупных ученых, осевшие в НКВД, не уничтожались. Например, работа, написанная в тюрьме Вавиловым⁸, была доложена Кобулову, помощнику Берию, впоследствии, как и он, расстрелянному. Работу мы не нашли. Нет никаких следов. Это скорее всего означает, что ее пытались использовать.

Но вернемся к Нумерову. Теперь его заслуги широко известны. Его дочь — Анастасия Борисовна — написала о нем книгу⁹. В доме ее — целый музей документов и фотографий. Первая статья о Нумерове появилась в 1963 г.¹⁰, и с тех пор опубликовано немало статей и воспоминаний¹¹. Но до последнего времени существовал редко нарушаемый «обычай» не говорить об аресте и расстреле — просто «жизнь трагически оборвалась»¹².

— Об этом времени вспоминать очень тяжело,— рассказывает мне старейший сотрудник ГАО Андрей Антонович Немиро.

⁷ Абсолютные возмущения полярных координат астероидов от внешних планет // Бюлл. АИ. 1937. № 42. С. 35—37; Ориентировка системы и определение систематических ошибок фундаментального каталога по наблюдениям малых планет // Там же. С. 75—83.

⁸ Имеется в виду труд Н. И. Вавилова «Мировые ресурсы земледелия», написанный осенью 1941 г. в тюрьме за невероятно короткое время.

⁹ Нумерова А. Б. Борис Васильевич Нумеров. Л. 1984.

¹⁰ Яхонтова Н. С. Борис Васильевич Нумеров. К семидесятилетию со дня рождения // Бюлл. ИТА. 1963. Т. 9. № 3. С. 213—215.

¹¹ См., напр., подборку материалов: Земля и Вселенная. 1981. № 3. С. 48—54.

¹² Недавно в ленинградской газете «Смена» от 31 марта 1989 г. появился очерк: Сидоровский Л. Звезды и тернии. Рассказ о ленинградских астрономах, ставших жертвой сталинского беззакония.

На VI Конференции по переменным звездам. Москва, 1936 г. Сидят: в центре — Б. П. Герасимович, второй справа — В. А. Амбарцумян. Стоят: первый слева — Б. А. Воронцов-Вельяминов, шестой Н. А. Козырев.

Исчезал то один, то другой, а потом и их жены. Помню, приезжали официальные лица, кажется, из НКВД, и рассказывали, что в Астрономическом институте и в Пулковской обсерватории обнаружена и обезврежена контрреволюционная организация. Этому не верилось. Состояние было самое подавленное. Последним арестовали Бориса Петровича Герасимовича.

— Главная военная прокуратура, — говорит Б. А. Виктор, — пересматривала также дело Б. П. Герасимовича (р. 19 марта 1889 г., Кременчуг) и его супруги Ольги Михайловны, которая была осуждена на 8 лет лишения свободы. Она обращалась за помощью в прокуратуру, центральные органы и персонально к Молотову — из лагеря в Потье в октябре 1939 г. Писала, что у нее отняли маленькую дочь Татьяну. Даже приложила документ, что девочка на учете в тубдиспансере. В архиве есть заявления 1939 г. на имя Молотова и Прокурора СССР от О. П. Парпутти, в которых она также просит пересмотреть дело Герасимовича.

«Мне неизвестно, — пишет она, — в чем обвиняется мой брат, но я всегда знала его как честного человека, неспособного на какой-либо дурной поступок, а тем более я не могу допустить мысли, чтобы он мог сделаться тяжким преступником против Советской власти, о которой он говорил как о единственной власти, могущей в полной мере обеспечить культурное развитие народа и процветание науки».

Последнее утверждение, похоже, не было слишком усилено обстоятельствами. «Он был полон энтузиазма от впечатляющего продвижения науки при Советском правительстве», — свидетельствует Отто Струве¹³. Родом из дворян, Герасимович в 1906 г. был исключен из Полтавской гимназии за участие в революционном движении. Сидел в тюрьмах. Экстерном сдал экзамены, поступил в Харьковский университет, где стал одним из двух любимейших учеников отца Отто Струве — Л. О. Струве (на первом месте был В. Г. Фесенков). По окончании университета хотел продолжить образование за границей, но не получил разрешения на выезд по причине «неблагонадежности».

¹³ Struve O. Op. cit. P. 80.

После революции весьма способствовал «впечатляющему продвижению науки» сначала в Харьковском университете, а потом в Пулковской обсерватории, директором которой был назначен в 1933 г.

К моменту ареста Герасимович был в нашей стране астрофизиком номер один и работал на самых горячих направлениях. В числе первых астрономов в мире начал исследовать природу планетарных туманностей. Одним из первых указал на необходимость учитывать межзвездное поглощение света при изучении структуры и динамики Галактики. Применил оригинальный метод изучения межзвездного поглощения при помощи цефеид. Оказался среди немногих, кто уже тогда понимал астрофизическое значение космических лучей. На основе теоретико-вероятностных соображений получил оценки общего числа переменных звезд каждого типа. Широкой популярностью пользовались его монография «Физика Солнца» (1933, 1935), идеи которой привлекают внимание по сей день, и знаменитый двухтомный «Пулковский курс», в котором он выступал как редактор и автор многих глав¹⁴.

Четверо из авторского коллектива этой книги — пулковцы — были арестованы. Пятый автор и сотрудник ГАО Г. А. Шайн, в те годы работавший в Симеизском отделении и чудом избежавший общей участи, не переставал предпринимать усилия, чтобы помочь своим пострадавшим товарищам. Дочь Герасимовича Татьяна Борисовна с благодарностью вспоминает, как Шайн разыскал ее и взял под свою опеку. Под его крылом, в Крымской астрофизической обсерватории, еще в сталинские времена находили приют отбывшие «срок» и возвращавшиеся из заключения жены «врагов народа», в их числе и О. М. Герасимович.

Кроме родных, кроме Вавилова и Шайна, за семью Герасимовичей хлопотал и П. Л. Капица. В его архиве сохранились копии писем О. М. Герасимович и П. Л. Капицы, любезно переданные мне П. Е. Рубининым. Ольга Михайловна пишет Петру Леонидовичу из лагеря, находившегося в Коми АССР: «... Я обращаюсь к Вам как к человеку в высшей степени отзывчивому и прямому, как к ученому: помогите же проф. Герасимовичу, дайте ему возможность

реабилитировать себя, ведь он еще мог бы быть полезен нашей стране! Очень прошу Вас походатайствовать перед президентом Академии наук академиком Комаровым, депутатом Верховного Совета СССР, о пересмотре дела моего мужа, а также об отмене моего сурового наказания... Силы у меня уходят, и здоровье слабеет... Очень прошу помочь мне в моем страшном горе». Письмо датировано 1 декабря 1939 г.

27 декабря того же года П. Л. Капица обращается к заместителю Народного комиссара внутренних дел:

«Уважаемый товарищ Меркулов!

Сегодня я получил печальное письмо от жены арестованного проф. Герасимовича, которая находится в лагерях НКВД. Оригинал посылаю Вам с этим письмом.

Я знаю проф. Герасимовича как ведущего ученого-астронома, пожалуй, лучшего специалиста в Союзе по астрофизике. Конечно, было бы очень хорошо, если бы был возможен пересмотр его дела, как это просит его жена.

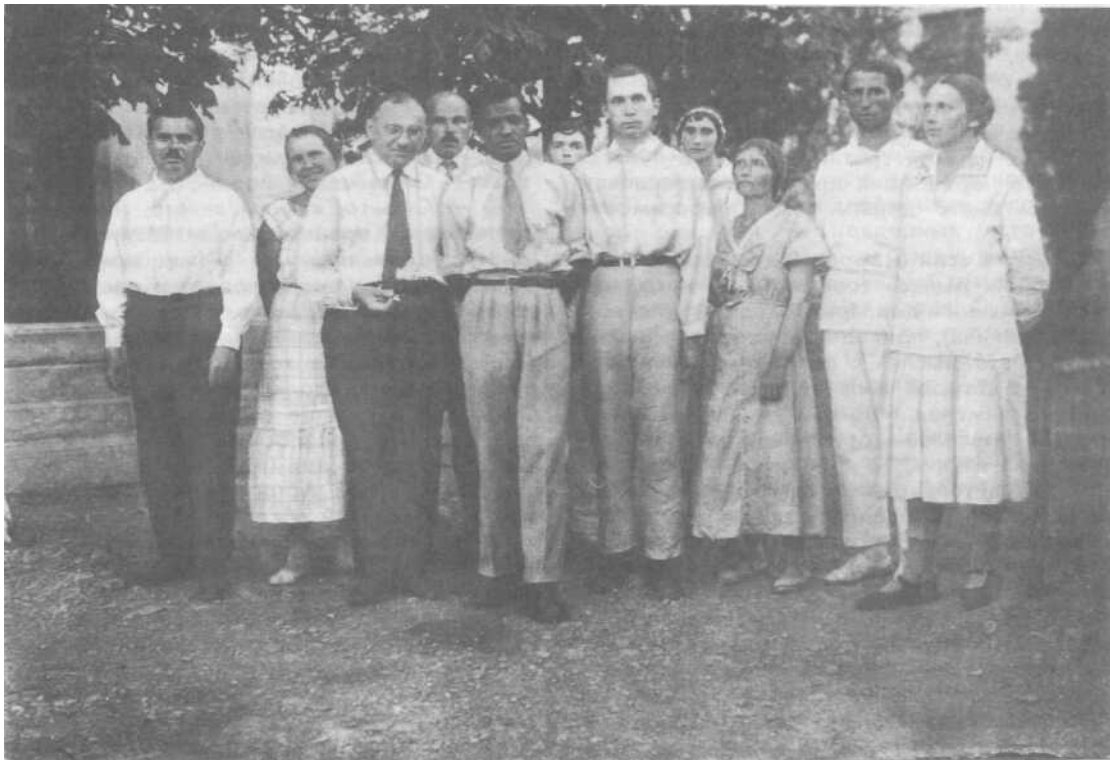
Его жену я не знаю и никогда с ней не встречался. Но поскольку сейчас членов семей арестованных возвращают, и в особенности если к ним не было предъявлено никакого обвинения, то был бы очень Вам благодарен, если бы Вы нашли возможным дать соответствующее направление просьбе О. М. Герасимович, чтобы дело ее было рассмотрено и она получила возможность вернуться к своей 6-летней дочери, с которой она находится в двухлетней разлуке.

Уважающий Вас П. Л. Капица».

Хлопоты, естественно, не возымели действия. Герасимовича к тому времени уже давно не было в живых. Его расстреляли 30 ноября 1937 г.

— Герасимовичу,— говорит Б. А. Викторов,— арестованному 29 июня 1937 г., было предъявлено обвинение в том, что он является участником фашистской, террористической, шпионской, вредительской организации, в которую завербован Нумеровым; готовил террористические акты против руководителей партии и советского государства; дважды передавал шпионские сведения иностранным разведкам — без указания, какой разведке, какие сведения, когда и кому. В следственное дело подложены выписки из показаний почти всех арестованных пулковцев, которые подтверждают, что они вместе с Герасимовичем входили в эту организацию. Никакой конкретики нет. Кроме одного, если можно так сказать, факта. Следствием якобы установлено, что

¹⁴ Амбарцумян В. А., Балановский И. А., Белопольский А. А., Герасимович Б. П. и др. Курс астрофизики и звездной астрономии. Ч. 1. Л., 1934; ч. 2. М., 1936.

Б. П. Герасимович и С. Чандрасекар с группой сотрудников Симеизского отделения Пулковской обсерватории. Первый слева — Г. А. Шайн.

Герасимович проводил вредительство в деле изучения солнечного затмения. Это главный козырь обвинения.

Чудовищная по своей нелепости версия! Но на какой почве она произросла — понятно. Последние годы жизни Герасимовича были связаны с организацией и обработкой итогов наблюдения солнечного затмения 1936 г., исключительно благоприятного для изучения в СССР. Вся полоса полной фазы пролегла по нашей стране — от западных границ до Дальнего Востока. Впервые разрабатывалась единая программа наблюдений, определялись задачи станций, специально изготовлялись приборы. Всем этим руководил Герасимович.

На территории Союза работали десятки советских и зарубежных экспедиций. По свидетельству очевидцев, Пулково, да, по-видимому, и Астрономический институт (Нумеров возглавлял уральскую экспедицию), были наводнены иностранными учеными. Сначала согласовывались действия, потом обсуждались результаты. Все прошло удачно. Были получены ценные сведения о

движениях в короне. Но в 1936 г. такие крупномасштабные международные мероприятия таили в себе опасность. Как, впрочем, и постоянные, тесные связи с зарубежной наукой, которые были для Нумерова и Герасимовича одной из неотъемлемых сторон жизни.

Находясь в командировке в США (1926—1929), Герасимович попал в сферу внимания самых видных астрономов и работал в крупнейших обсерваториях. Совместно с В. Лейтенон он определил расстояние Солнца от галактической плоскости, стал соавтором Д. Мензела в пионерской работе об источниках энергии звезд и получил за это премию Нью-Йоркской академии наук, вместе с О. Струве рассмотрел физические условия в межзвездном газе с точки зрения образования линий поглощения.

Продолжавшиеся дружеские, доверительные отношения с американскими коллегами в те годы при желании нетрудно было истолковать в криминальном духе. «Герасимович просил меня покупать для него научные книги и периодику, — вспоминает О. Струве, — и в течение нескольких лет иногда присылал мне по почте банкноты в 5 или 10 долларов, которые он, вероятно, покупал на черном рынке в России.

После того, как наши большие денежные купюры были заменены купюрами меньшего размера, приходившие от Герасимовича деньги старого образца приносили мне некоторые затруднения. Мой банк хотел знать, зачем я накопил старые купюры и кладу их на мой счет по одной. В 1947 г. я вернул через моих друзей находившиеся на этом счете деньги семье Герасимовича»¹⁵.

Даже если отбросить домысл Струве о «черном рынке» (сомнительно и то, что посылаемые им доллары доходили до семьи Герасимовича), приведенный эпизод не совмещается в мыслях с обстановкой шпиономании, в которой жил Герасимович и которой не замечал, «полный,— как мы помним,— энтузиазма от впечатляющего продвижения науки».

Удивительно, как долго наши ученые не желали считаться с угрожающими реалиями времени. Приближался пик политических репрессий, а между Герасимовичем и самой талантливой молодежью Пулкова — Н. А. Козыревым, Д. И. Еропкиным и В. А. Амбарцумяном (к своему счастью, вскоре ушедшим из обсерватории) — возникла острая научная и личная конфронтация, вылившаяся на страницы газет¹⁶. Взаимные претензии были резки, а со стороны молодежи для убедительности даже утрированы политическими аргументами.

В Пулкове существует мнение, что эта конфронтация сыграла печальную роль. Того же не исключали Вавилов и Шайн и даже в своем письме 1939 г. на имя Вышинского сочли необходимым дать такое разъяснение относительно Пулкова: «...Там одно время царил склок. Это производило тяжелое впечатление и, может быть, в той или иной степени вызвало последующие события. Во всяком случае с полным сознанием ответственности можно утверждать, что здесь не было противопоставления старого молодому или вообще какого-нибудь политического элемента»¹⁷.

Я прошу Б. А. Викторова сказать, нашла ли эта ситуация отражение в материалах следствия.

— Да,— говорит Борис Алексеевич,— По документам видно, что между сотрудни-

ками были конфликты. В суть их я не входил, потому что следствие шло не по этому пути. Дело Герасимовича — это грубо сработанное дело, созданное руками следователя Карамышева, который допрашивал Герасимовича и добивался у него признания. Карамышев был осужден еще в 1939 г.

— С приходом Берии?

— Суть-то, как вы знаете, не в нем. Поймите, что происходило в 1939 — начале 1940-х годов. Кому-то даже выносились оправдательные приговоры, но ранее данные этими людьми показания оставались доказательством в отношении тех, чьи дела судебные органы не хотели пересматривать. Можно сказать, что какое-то необыкновенное, редкое счастье выпало на долю людей, которым довелось выскочить на волю в это страшное время. В их число попал ряд сотрудников Астрономического института и Пулковской обсерватории.

Именно тогда Вавилов и Шайн направляют свое второе (!) письмо Вышинскому (уже зам. председателя СНК СССР), копию которого передал мне Б. А. Викторов.

«... Мы, нижеподписавшиеся, академик С. И. Вавилов как депутат Верховного Совета РСФСР и как представитель научной общественности в области физики и академик Г. А. Шайн как представитель научной общественности в области астрономии,— говорится в письме,— уже обращались в свое время в соответствующие органы о пересмотре дела... Недавно дело Астрономического института было пересмотрено... Уже прошло 3½ года, как осужденные Пулковские астрономы находятся частью в отдаленных лагерях, частью в тюрьмах... Большинство из заключенных, будучи слабы здоровьем и прежде, не смогут продержаться до конца срока... Мы очень просим о спешном пересмотре дела астрономов Пулковской обсерватории или по крайней мере о переводе их на работу по близкой им специальности в особые техбюро, так как все эти лица имеют хорошую подготовку по механике, физике и геодезии».

К письму приложен список фамилий астрономов, которых пытались вызволить из застенков Вавилов и Шайн. Десять мужских имен. Против каждого — их жены. Некоторые женщины выжили — им был определен меньший срок. Но со своими мужьями они не встретились. Список Вавилова и Шайна совпадает с перечнем погибших астрономов, выданным В. К. Абалакину в ЛУ КГБ СССР. О судьбе Нумерова и Герасимовича мы уже знаем. Об остальных в этом документе приводятся следующие сведения.

¹⁵ Struve O. Op. cit. P. 381.

¹⁶ Факты приведены в статье: Еремеева А. И. Борис Петрович Герасимович // Историко-астрономические исследования. Т. XXI. 1989.

¹⁷ Архив АН СССР. Ф. 596. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 3.

Николай Иванович Днепровский (р. 1 ноября 1887 г., Москва). Заместитель директора Пулковской обсерватории. Арестован 4 декабря 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 25 мая 1937 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения. Место отбывания наказания и дальнейшая судьба не установлены.

Иннокентий Андреевич Балановский (р. 26 ноября 1885 г., Черкассы). Заведовал сектором астрофизики. Арестован 7 ноября 1936 г., 25 мая 1937 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения. Других сведений нет.

Николай Васильевич Комендантов (р. 25 сентября 1895 г., Петергоф). Старший ученый специалист. Арестован 7 ноября 1936 г., 25 мая 1937 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения. Других сведений нет.

Петр Иванович Яшнов (р. 27 июня 1874 г., Нижний Новгород). Научный работник обсерватории. Арестован 7 ноября 1936 г., 25 мая 1937 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения. Умер 25 мая 1940 г. в тюрьме г. Дмитровска-Орловского.

Дмитрий Иванович Еропкин (р. 29 августа 1908 г., Петербург). Внук декабриста Д. И. Завалишина. До 8 марта 1936 г. научный сотрудник ГАО. Арестован 4 декабря 1936 г., 25 мая 1937 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения. 20 января 1939 г. расстрелян по постановлению «тройки» в Грязовецкой тюрьме за «систематическую контрреволюционную фашистскую агитацию среди заключенных».

Максимилиан Максимилианович Муселиус (р. 25 ноября 1884 г., Петербург). Ученый секретарь Пулковской обсерватории. Арестован 10 февраля 1937 г., 25 мая 1937 г. приговорен к 10 годам заключения. Отбывал наказание в Вологде и 17 января 1938 г. по приговору «тройки» расстрелян.

Евгений Яковлевич Перепелкин (р. 4 марта 1906 г., Петербург). Заведовал отделом сектора астрофизики. Арестован 11 мая 1937 г. Спецколлегией Ленинградского областного суда в закрытом заседании, без участия обвинения и защиты, приговорен к 5 годам тюремного заключения. Отбывал наказание в Мариинском ИТЛ Красноярского края. Особой тройкой приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 13 января 1938 г.

Из почти десятилетнего заключения вернулся один Николай Александрович Козырев (1908—1983). К моменту ареста ему

исполнилось 29 лет, но он уже был профессором, крупным исследователем физики звезд, разработавшим теорию протяженных атмосфер, которая легла в основу так называемой теории Козырева — Чандрасекара. Сразу же после освобождения в 1946 г., буквально через год, защитил докторскую диссертацию и увлекся разработкой спорной, как считает подавляющее число ученых, гипотезы (о неядерных источниках энергии звезд и их эволюции), которую обдумывал в заключении. («Страшная вещь для ученого — полная изоляция от научной жизни!» — заметил по этому поводу Шкловский¹⁸.) Но в 1950-х годах Козырев сделал ряд блестящих работ в области наблюдательной астрономии.

— Он выступал в Пулкове с феерическими докладами, — вспоминает А. А. Немиро. — Зал не вмещал всех желающих его слушать. Он действительно был светлой личностью. Его отличала какая-то необыденность. Беру на себя смелость сказать, что его открытие вулканизма на Луне — эпохальная работа. До тех пор считалось, что Луна — совершенно мертвое тело. И вдруг Козырев обнаружил извержение вулкана путем спектральных наблюдений. Можно сказать, что это случайно. Конечно, то, что Козырев направил телескоп в это место, и то, что в это время там началось извержение, случайно. Но он предполагал это. И никому не приходило в голову вести спектральное наблюдение Луны. Зачем? Когда она испускает отраженный свет. Это неперспективно. А Козырев имел другое мнение. Это характеризует его подход к науке, умение планировать наблюдения. Некоторые его работы не были признаны. Но я думаю, что вряд ли они полностью ошибочны. Во всяком случае вопросы, которые он поставил, вовсе не бессмысленны.

Козырев был неотразим. Им восхищались не только пулковцы. О нем писали А. И. Солженицын, Мариэтта Шагинян, Андрей Вознесенский. «Он был потрясающе здоров и силен, — рассказывает Шкловский... — Я всегда любовался его красотой, прекрасной фигурой и какой-то легкой, воздушной походкой. Он не ходил по каменистым тропам Симеиза, а как-то парил. А ведь сколько он перенес горя, сколько духовных и физических страданий»¹⁹.

Казенные строки документа, получен-

¹⁸ Шкловский И. С. // Энергия. 1988. № 6. С. 43.

¹⁹ Там же. С. 43—44.

ного В. К. Абалакиным из ЛУ КГБ СССР, восстанавливают неожиданные повороты малоизвестной части биографии Козырева. Он был арестован 7 ноября 1936 г. и 25 мая 1937 г. приговорен к 10 годам. Сначала находился в тюрьме г. Дмитровска-Орловского, затем этапирован в норильские лагеря и направлен геодесистом на Дудинскую мерзлотную станцию. Вскоре стал начальником станции, его расконвоировали. Но 10 января 1942 г. был опять судим Таймырским окружным судом за «контрреволюционную агитацию» и получил новый срок — 10 лет. Его снова переводят в Норильск. Выполнял работу инженера по теплонтролю, инженера-геофизика, был прорабом экспедиции на Хантайском озере, начальником отряда Нижне-Тунгусской геологоразведочной экспедиции...

В 1944 г. на имя Народного комиссара внутренних дел поступило ходатайство академика Шайна о досрочном освобождении Козырева в связи с «необходимостью восстановления разрушенных немцами центров астрономической науки». В борьбу за Козырева вступили также В. А. Амбарцумян, П. П. Паренаго, Б. А. Воронцов-Вельяминов, Н. Н. Павлов. Случилось невероятное — 14 декабря 1946 г. особым совещанием МГБ СССР Козырев был досрочно-условно освобожден с правом проживания в Ленинграде и Симеизе.

В кабинете у Козырева висела икона. Хоронили его по православному обряду. Все как в страшной сказке с умиротворяющим концом. Здесь можно было бы подвести условную черту под грустной пулковской эпопеей.

Но убийственная цепная реакция, как известно, продолжалась. Следственное дело Матвея Петровича Бронштейна, одного из самых талантливых профессоров Ленинградского университета, показывает «методы» ее распространения.

«Как выяснилось недавно,— пишет Рой Медведев,— папка от "дела" М. П. Бронштейна сохранилась, но она пуста — пока нет документов, по которым можно с уверенностью назвать следователя и автора доноса».²⁰ Это не совсем так. Историк и родные Бронштейна введены в заблуждение.

— Папка не пуста,— говорит Б. А. Виктор. — В ней справка на арест, составленная сотрудником НКВД Коркиным. Я могу назвать следователей, которые занимались

Бронштейном: Карпов, Лупандин, Шапиро. Последний был осужден, что же касается Карпова и Лупандина, то, по архивным документам, в 1939 г. был поставлен вопрос об их привлечении к ответственности, но состоялся ли суд — мне неизвестно.

Борис Алексеевич не раз предупреждал меня, что искать доносчиков — попусту тратить время. Они, как и творцы «сценариев», далеко не всегда «попадали в кадр». Чаще всплывали, так сказать, «свидетели обвинения».

— В деле Бронштейна, в отличие от ранее упомянутых, фигурируют как бы конкретные «доказательства». Якобы Бронштейн во всеуслышание заявлял: «Троцкий ушел, но он еще себя покажет». «Если Троцкий придет к власти, я назовусь его племянником». Это «показания», выбитые у... Н. А. Козырева. Не очная ставка или перекрестный допрос, а выписка из «показаний» уже осужденного Козырева. Он потом рассказал, что с ним делали.

Трудно такое слушать, трудно писать. Но и дальше — не легче. Бронштейн о своих мучителях поведать не успел.

— Когда Бронштейна, мягко говоря, допрашивали,— продолжает Б. А. Виктор,— он «признался», что его завербовал в фашистско-террористическую организацию Я. И. Френкель и что в ее составе были В. А. Амбарцумян, В. А. Фок, П. И. Лукирский, Л. Д. Ландау, В. Р. Бурсиан, В. К. Фредерикс, Ю. А. Крутков, Н. Н. Павлов. От других арестованных аналогичными «методами» были получены показания, что в эту организацию входили также Н. Н. Семенов и Н. И. Мухелишвили.

Грандиозные планы были у НКВД! Немного поколебавшись, я показала эту запись известному историку науки Виктору Яковлевичу Френкелю. Привожу его слова:

— Только те, кто прошел через такие же пытки и оказался не сломленным, могли бы упрекнуть своих товарищей по несчастью. Но, уверен, они этого не делали. Бронштейн был сотрудником моего отца, Якова Ильича Френкеля, и хотя Матвея Петровича я помню смутно, слышал о нем много — и в семье, и от его друзей. А последние несколько лет мы с Г. Е. Гореликом занимались биографией Бронштейна и написали о нем книгу, которая скоро выйдет в издательстве «Наука». Не буду здесь останавливаться на научных работах Бронштейна, так как знаю, что в «Природе» предполагается публикация на эту тему²¹, а скажу только, что в первой половине

²⁰ Медведев Р. // Книжное обозрение. № 18. 5 мая 1989 г. С. 10.

30-х годов его справедливо относили к числу самых способных физиков-теоретиков страны. Еще студентом он начал писать научно-популярные статьи, а потом прекрасные книги, адресованные как самой «маленькой аудитории», так и более взрослым школьникам. Это сблизило Бронштейна с писательскими кругами: его высоко ценили С. Я. Маршак и К. И. Чуковский.

— Мне говорили в свое время, — добавляет В. Я. Френкель, — что Матвей Петрович был арестован по «делу о вредительстве» в ленинградском издательстве «Детская литература» — по этому делу «проходили» Хармс, Н. М. Олейников, Г. Г. Белых и др. Из того, что мы узнали от Б. А. Викторова, видно, что это не так — Бронштейн был взят по «университетскому» делу. Кстати, расхожая легенда — что Бронштейн был племянником Троцкого — после сказанного Б. А. Викторова приобретает микрорациональную основу. Но Матвей Петрович — не родственник Троцкого: фамилия Бронштейн очень распространенная. Это была шутка, искаженная при пересказе!

— И пущенная в ход лицом, имени которого мы никогда, наверное, не узнаем.

Б. А. Викторов:

— 10 февраля 1939 г. к Вышинскому обратилась жена Бронштейна, Лидия Корнеевна Чуковская. Говорила о научных заслугах мужа, уверяла, что он невиновен и просила разрешения послать ему книги для продолжения научной работы. Ее просьбу поддержал С. И. Вавилов. Сохранилось его короткое письмо Вышинскому. Л. К. Чуковской ответили, что Бронштейн осужден на 10 лет и находится в лагерях на северо-востоке страны, а Вавилову — что Бронштейн осужден со строгой изоляцией на длительный срок. Но все это была фикция. Бронштейна расстреляли сразу после суда — 18 февраля 1938 г. Мать Бронштейна обращалась к Сталину, «родному отцу, другу всех советских людей», взывала к справедливости. В деле значит, что ответ рассмотрен и оснований для пересмотра дела не имеется. Хотя никаких доказательств вины Бронштейна, конечно, не было. Кроме «показаний», которые будто бы дали Козырев и Крутков.

— Крутков? — в очередной раз недоумеваю я. — Это крупный физик-теоретик. И он был захвачен той же сетью?

— Да, Ю. А. Крутков представлен в

деле как руководитель контрреволюционной организации, состоящей из работников учебных заведений и научных учреждений Ленинграда. В нее якобы входили В. Р. Бурсиан, В. К. Фредерикс и Бронштейн.

Юрию Александровичу Круткову (1890—1952) выпал все же более счастливый поворот судьбы.

— Я встречал Юрия Александровича в конце 40-х годов в доме Софьи Владимировны Шостакович — матери великого композитора, близкой родственницы Всеволода Константиновича Фредерикса, — вспоминает В. Я. Френкель. — Уже молодой человек с мягкими манерами, благородной внешностью — его облик соответствовал тому, что я слышал о нем в кругу своей семьи. Мой отец был, как и Крутков, стипендиатом рокфеллеровского фонда, и оказался вместе с ним в 1925—1926 г. сначала в Гамбургском университете у В. Паули и О. Штерна, а потом — в Геттингене, у М. Борна. Замечательный человек и ученый, ученик знаменитого П. С. Эренфеста, Крутков выполнил ряд важных работ по квантовой теории (до создания квантовой механики), теории гирокомпасов и теории упругости, ему принадлежат тонкие исследования по статистической механике и теории броуновского движения. В 1933 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

— Еще в дореволюционные годы Крутков сдружился со своими молодыми петербургскими коллегами — В. Р. Бурсианом («Бурсом»), П. И. Лукирским («Луком»), В. К. Фредериксом («Фредом»), В. М. Чулановским («Чу»). Они называли Юрия Александровича «Крутом». Два десятка лет спустя по всем этим талантливым людям тяжело проехал 37-й год — счастливое исключение составил В. М. Чулановский. Бурсиан погиб в тюрьме в 1946 г., Фредерикс — в 1943-м. Он умер по дороге из лагеря в Ухте в московскую «шарагу»: заболел в поезде и был похоронен где-то в Горьком, городе своей юности. Петру Ивановичу Лукирскому повезло — он был выпущен на свободу в 1942 г. Крутков был освобожден через 10 лет после ареста (а произошел он в ночь на 31 декабря 1936 г.) и получил возможность работать в Ленинграде, в родном университете. Его лекции посещали и профессора, в числе которых были авторы знаменитых учебников — В. И. Смирнов и С. Э. Фриш.

— Теперь мы знаем, — продолжает В. Я. Френкель, — о годах, проведенных Крутковым в заключении. После тюрьмы

²¹ В портфеле редакции находится статья Г. Е. Горелика о М. П. Бронштейне, С. П. Шубине и А. А. Витте.

и суда он был направлен в Канские лагеря. Он вспоминал об этом, уже оказавшись в «туполевской шараге». Здесь его товарищами по несчастью стали и сам А. Н. Туполев, и С. П. Королев, и В. Н. Стечкин, и Ю. Б. Румер, и Л. Л. Кербер — заместитель Туполева, который написал об этих годах работы в специальном КБ при НКВД²².

Так рабски эксплуатировалась и истреблялась наша научная элита. И хотя многие фальсификаторы преступных процессов понесли наказание еще в 1939—1940 гг., ученых бросали и бросали в тюрьмы. Особенно страдал ненавистный Сталину Ленинград.

— Был в Ленинграде такой старший следователь, полковник Н. Ф. Кружков, — рассказывает Б. А. Виктор, — знаменитый тем, что занимался фабрикацией дел даже во время блокады, притом с большим размахом. Мы возбудили против него дело в середине 50-х годов (он уже был начальником УВД Новгородской области), когда пересматривали большой процесс, по которому проходили сотрудники Института точной механики и оптики, члены так называемого «союза старой русской интеллигенции», обвиненные во вредительстве. Все это было сфальсифицировано Кружковым при участии сотрудника этого института Е. Ф. Меркулова, которого мы тоже осудили. Меркулов — организатор дела, доносчик и провокатор — сам написал программу выдуманного «союза» и взял на себя роль его лидера. По его доносу и усилиями Кружкова были арестованы члены-корреспонденты АН СССР Н. В. Розе (умер во время следствия) и Н. С. Кошляков, профессора Б. И. Извеков, А. М. Журавский, В. А. Тимофеев, Г. Т. Третьяк, доценты В. Г. Строганов, А. В. Светлов, П. А. Соколов, С. С. Рузов, Н. Н. Худеков, Н. И. Постоева, инженер Ю. А. Зегжда. На допросах Кружков выбил у них показания еще на 50 научных работников Ленинграда. И готовил арест еще 150. Следствие велось в осажденном городе!

13 января 1942 г. военный трибунал приговорил их к расстрелу, но Президиум Верховного Совета СССР заменил высшую

меру на 10 лет лагерей — это связывают с вмешательством А. А. Кузнецова, который Кружкову не доверял.

— Кружков, которого мы осудили на 15 лет, жаловался во все мыслимые инстанции, обвинял нас, писал, что он жертва. Вот выписка из его жалобы: «Дело не во мне, бывшем рядовом работнике, а в тех, кто сознательно насаждал беззаконие и порочные системы в органах МВД и МГБ, причина в тех, кто хотел уйти из-под контроля партии. Эти люди по заслугам осуждены. Но мог ли я, бывший рядовой и неопытный работник, разобраться тогда в порочности работы этих агентов...» И так далее. Но прошедшие лагеря и оставшиеся в живых люди, побывавшие в руках этого «неопытного работника», избличали его в садизме.

Дух трагедии сталинских времен, несмотря на годы и перемены, еще веет над Пулковом, над Ленинградом, над страной. И над всей нашей наукой, которая понесла огромные потери, пройдя через огонь инквизиции и «министерство любви». Работая над этими материалами, я столкнулась с проявлениями благородства, которые возвышают душу, но больше узнала такого, чего не хотелось бы знать. Точнее, не хотелось бы, чтобы так было. Но мы ратуем за отмену запретов на секретные архивы и должны быть готовы к восприятию нерафинированной правды. Здесь показана лишь часть ее, но и она тяжела, особенно для близких и друзей наших замечательных деятелей науки, которые были унижены в своем человеческом достоинстве, замучены и погублены.

Будем откровенны, для мужественных и независимых поступков чаще всего недостаточно даже такого необходимого компонента, как «нравственный закон в душе». Нужна хоть какая-то степень свободы или надежды.

Мы хотим в полной мере обрести и то, и другое, построив правовое государство, в котором рецидивы бессмысленной жестокости, типа тбилисской трагедии, станут невозможны. Стремление ученых принять участие в этом строительстве увеличивает наши общие шансы на успех.

²² Кербер Л. // Изобретатель и рационализатор. 1988. №№ 3—9.